

В. Н. Пенев

СОПРИЧАСТНОСТЬ К БОЛЬШОЙ НАУКЕ

Снежная зима, охранники в белых дубленках уже при въезде в город, а затем и перед воротами лаборатории; синхрофазотрон громадных, подавляющих размеров — вот впечатление от моего первого посещения Дубны в составе группы студентов 3-го курса МГУ. Позднее, во время преддипломной практики и далее, я познакомился с интересными людьми уникального многонационального коллектива камерного отдела ЛВЭ, руководителями которого были профессор из Китая Ван Ганчан и Владимир Иосифович Векслер. «Душой» этого коллектива и главным «администратором» был замечательный человек — Михаил Иосифович Соловьев. Он не только создавал одну за другой пузырьковые камеры, но и заботился о нас, вникал во все проблемы, всячески поддерживал и воспитывал. А мы были молодыми и глупыми, слабо впитывали в себя уникальную творческую атмосферу, считая, что все еще впереди и она, эта атмосфера, никогда исчезнуть не может. К сожалению, это случилось.

Лабораторией почти единолично — это было вполне в духе времени — управлял ее директор Владимир Иосифович Векслер. Ускоритель — главное его детище — запускался и доводился до нужных параметров долго и мучительно. Перед В. И. Векслером стояла масса проблем, связанных с интенсивностью пучка ускорителя. (На кафедре (я окончил кафедру ускорителей) даже ходил анекдот: «Принята новая единица интенсивности «векслер» — один мезон в один сезон».) Нужно было создать новый линейный ускоритель-инжектор, повысить вакуум гигантской камеры синхрофазотрона и решить бесконечное количество других, не менее сложных вопросов. Неприятности, по-видимому, изматывали директора. Несмотря на это, с наступлением конца рабочего дня Владимир Иосифович появлялся в нашей группе. Он оживлялся, ему было интересно все: как идет обсчет антисигма-минус-гиперона, почему в импульсном спектре Λ -гиперонов есть два максимума, нет ли здесь влияния Λ -гиперонов с большими поперечными импульсами (и это в то время, когда об этой проблеме еще никто не слышал).

Задолго до знаменитых экспериментов мы искали нарушение CP -четности в распадах Λ -гиперонов. Даже моя дипломная работа по рассеянию Λ -гиперонов на протонах, руководителем которой была Е. Н. Кладницкая, которая так и осталась моим руководителем и наставником на всю жизнь, также вызывала в нем живейший интерес. Нам

были очень интересны эти беседы — ведь каждый результат Владимир Иосифович старался сопоставить с фундаментальными проблемами физики, и это ему удавалось. Мы чувствовали себя при этом сопричастными к большой науке. Владимир Иосифович строго следил, чтобы мы занимались первостепенными проблемами, которые можно связать с фундаментальной физикой, и предлагал не смешивать в одну кучу «пол-лошади и полрябчика» (его выражение). Для молодых людей, а тогда почти все мы были молодыми, это очень важно. А еще важнее — доверие. Владимир Иосифович доверял молодым. Для меня до сих пор удивительным кажется тот факт, что на Рочестерской конференции, которая проходила в 1964 г. в Дубне, престижный доклад о наблюдении резонансов В. И. Векслер поручил делать мне, тогда лаборанту с высшим образованием и далеко не лучшему сотруднику из тех, что занимались этой проблемой.

Абсолютизм в управлении у Владимира Иосифовича успешно сочетался с многочисленными обсуждениями результатов работ на всех уровнях, особенно на семинарах лаборатории и на ученых советах института. Теперь такие «архаизмы», как живые обсуждения, сомнения и острая полемика, как мне кажется, давно изжиты из всех программно-консультативных комитетов, научно-технических советов, ученых советов и т. д.

На семинары приезжали многие известные ученые из других лабораторий института, из Москвы и других научных центров Союза, велись очень оживленные дискуссии. Владимир Иосифович никогда не изрекал «истин последней инстанции», что сплошь и рядом случалось и случается у «больших» и «малых» наших ученых. Наоборот, он часто публично высказывал сомнение в своих заключениях. Этим он стимулировал в нас стремление сделать что-то иначе, по-другому, прийти к собственному пониманию явлений. Творческая атмосфера первооткрывателей преобладала тогда в ЛВЭ — мы успешно соперничали с американскими институтами, и, как мне казалось, к нашим результатам прислушивались и принимали их всерьез.

В. И. Векслер не был застрахован от ошибок, в том числе в выборе людей. Когда ему об этом говорили, он отшучивался: «Нам нужны разные сотрудники, через них будем общаться с другими организациями, где полно их братьев по разуму, с ними они сумеют договориться». Все знают, что были ошибки и покрупнее. Так, не сразу было понято, что нужно строить большие водородные камеры, а эпоха электронных экспериментов к нам пришла с большим опозданием. Первые ласточки новой физики — резонансы ρ -мезон, K^* (895), $Y(1385)$ и др. — были увидены в нашей группе, но не было уверенности в себе. И случилось

так, что А. Михул проносил эти приоритетные результаты на Рочестерской конференции в Беркли (1960 г.) в кармане, а первооткрывателями стали сотрудники Альвареса. Немаловажной причиной всех этих (и других) пробелов, как мне кажется, была страшная изоляция от остального мира, в которой жили все наши страны. Конечно, иногда ОИЯИ посещали крупные западные ученые, и В. И. Векслер приводил их к нам. Однако это были отдельные эпизоды. Какое-то ограничение общения для научной работы даже полезно — важно сконцентрироваться на решении проблемы на значительное время, работать без внешних помех. В науке, как ни в какой другой деятельности, важна самобытность, оригинальность решений. От такого безразборного общения, бесчисленных поездок за границу, как это происходит сейчас, для науки пользы очень мало. Но умеренные контакты с другими центрами, совместные партнерские исследования сильно уменьшают вероятность ошибочного выбора направлений исследований.